

О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты Часть I

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)*

В статье представлен современный взгляд на состояние исторической науки в России. Автор освещает эволюцию теоретико-методологических основ русской исторической школы на примере ее ведущих представителей. Выявляется соразмерность русской историософской традиции в XVIII–XIX вв. в сравнении с передовой мировой интеллектуальной мыслью.

Ключевые слова: русская историческая школа, методология, телеология, позитивизм, рационализм, синтетический подход.

On Methodological Bases of the Russian Historical School: Historiosophical Aspects Part I

YU. A. VASILIEV

(MOSCOW UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES)

Abstract: The article covers a presentation of contemporary view on the condition of historical science in Russia. The author sheds light on the evolution of theoretical and methodological essential principles of the main representatives of the Russian Historical School. As it turned out the Russian historiosophical theory in the XVIII–XIX centuries was commensurate to world progressive intellectual thought.

Keywords: Russian Historical School, methodology, teleology, positivism, rationalism, synthetic approach.

В течение последнего десятилетия XX века внедрилось устойчивое утверждение о кризисе исторической науки. Подобное мнение, пришедшее с Запада, в нашей стране получило различные интерпретации (одна из них — «методологический шок»). Увлечения цивилизационным методом после крушения советской методологии «марксизма-ленинизма», мир-системным и др. выявило определенную ограниченность каждого из подходов: цивилизационный метод оказался связан с фактическим игнорированием единого исторического процесса, мир-системный метод ограничивался объяснением лишь капиталистической системы.

Можно предположить, что идея кризиса исторической науки связана с тем, что в последние два-три десятилетия на Западе не появилось какой-либо принципиально новой и конструктивной методологической пара-

дигмы общественного развития. Набившую оскомину концепцию постмодерна периодически пытаются обновить декорациями «трансмодерна», постэкономического пространства и другими подобными тупиковыми вариантами.

В России сегодня проявляется своеобразная мода на марксизм: марксистами объявляют себя и те, кто проявляет интерес к ортодоксальному марксизму, и те, кто признает лишь «раннего» Маркса, и те, кто свою задачу видит в защите «марксизма» от «ленинизма». Трактовка советского «ленинизма» с современных позиций в качестве развития и обогащения теории марксизма признается односторонней и ограниченной. В данном случае ленинизм рассматривается как одна из версий понимания, трактовки и применения марксизма, прежде всего и главным образом к России, по преимуществу в ин-

* Васильев Юрий Альбертович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории Московского гуманитарного университета. Тел.: (495) 374-55-81. Эл. адрес: vasmr@orc.ru.

струментально-прагматической области, связанной с применением марксизма (концепция применения входит в состав теории практики теории) (Кувакин, 2005: 159, 160, 164). С другой стороны, инструментальный характер применения ортодоксального марксизма к реалиям России оценивается как проявление не только догматических трактовок, но и «революционного ревизионизма» (Ойзерман, 2006: 52).

В последнее время высказывается мнение о кризисе мировой исторической науки как некоей серьезной опасности, которая может стать губительной для нее. В данной постановке смещается акцент: можно утверждать о проявлении *кризиса в понимании истории*, но не кризиса исторической науки! Подобное уже случалось неоднократно. В середине XIX века наметился кризис, выявивший несостоятельность нарративного, «чистого описания» истории. Он был порожден пониманием истории в духе позитивизма, который ограничивал область теоретических изысканий в области истории. В первой половине XX века был найден путь преодоления кризиса: история стала отходить от фетишизма фактов. Примечательна в этой связи формулировка, предложенная английским историком Эдвардом Карром: «история — это интерпретация» (Карр, 1969: 28).

Современный кризис понимания истории может быть преодолен изменением приоритетов в методологии исторических исследований в сторону историософской направленности. В образной форме подобный подход сформулировал упомянутый Эдвард Карр: «те историки, которые и сегодня пытаются обойтись без философии истории, напоминают нудистов, тщетно и цинично стремящихся воссоздать райские кущи Эдема в наших садовых пригородах» (Карр, 1969: 24).

Исследованием истории как объективного и закономерного процесса занимается наука, которую называют тем же именем, что и изучаемый ею объект, а именно историей. Употребление одного и того же термина для обозначения как реального исторического процесса, так и науки, изучающей этот про-

цесс, создает определенные неудобства. Чтобы избежать их, предлагается называть историей только сам исторический процесс, для обозначения же специальной науки об истории использовать термины «историческая наука» и «историология». В данном подходе историологию как составляющую исторической науки, которая занимается описанием исторических событий, называют повествовательной, или нарративной, историологией. Теоретическую историологию — историософией (Семенов, 2003: 3–4).

Утверждение, что понятие нарративной историологии прежде было равнозначно понятию историологии вообще, требует уточнения. Еще в советский период была определена структурная зависимость отраслей знания, которую можно изобразить в таблице.

Из указанной таблицы следует, что в теории исторического познания выделяются отрасли эмпирической историографии, историософии и исторической гносеологии (как сейчас принято называть — эпистемологии). Первая образует содержание и основу исторической науки. Две другие, нередко переплетаясь и сливаясь, долгое время развивались в недрах единого интеллектуального процесса, называемого философией истории. Однако их функции различны: историософия по существу представляет собой осмысление истории, точнее, теоретическое знание об истории, эмпирическое знание о которой дает историография. Объект знания историографии и историософии один и тот же — историческая реальность. Но предметы знания отличаются: первая описывает реальные события и ситуации в объективных процессах; вторая стремится понять их необходимые связи, то есть закономерности, тенденции. Различаются и объекты исследования: историография имеет дело с историческими источниками; историософия опирается на вторичные исторические тексты. Историческая эпистемология есть теория исторического познания, охватывающего историософию и историографию (Ракитов, 1982: 145–146).

Корни изложенного подхода можно увидеть в теоретических построениях предста-

Таблица

СТРУКТУРНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ОТРАСЛЕЙ ЗНАНИЯ

	<i>Историческая наука</i>		<i>Философия истории</i>
	<i>Историография</i>	<i>Историософия</i>	<i>Историческая эпистемология</i>
Объект знания	Историческая реальность	Историческая реальность	Историческое познание
Предмет знания	Индивидуальные события, конкретные ситуации и процессы, отдельные структуры	Закономерности, тенденции, общие схемы и структуры	Логические структуры, методологические и общеполитические основания, способы исследования
Объект исследования	Исторические и археологические источники. Первичные тексты	Вторичные тексты	Вторичные тексты
Метод исследования	Критический анализ источников, анализ материальных остатков, методы вспомогательных исторических дисциплин, филологический анализ	Теоретический анализ	Теоретический, логико-методологический анализ
Тип знаний	Эмпирические знания	Теоретические знания	Теоретические, философские знания

вителей русской исторической школы на столетие ранее. В 1884 г. историк и историософ Николай Иванович Кареев защитил докторскую диссертацию на тему: «Основные вопросы философии истории». В его концепции ступени исторических знаний получили конкретную классификацию: исследование, построение, мышление. Философия истории относится к третьей — высшей ступени. Свою методологическую позицию Кареев определил так: «Спор идеалистов и материалистов, дуалистов и монистов представляется безнадежным, и выхода из него нет...» (Кареев, 1913: 10). Разделяя субъективный метод в социологии, он распространял его на область исторических исследований: «Каждый историк имеет свое представление о том, как совершается история, — представление, вытекающее и из априорных предпосылок,

без которых не обходится никакая научная работа... из всего мирозерцания историка, и из тех обобщений, которые складываются у него на основании собственного изучения им тех или других комплексов исторических фактов» (Кареев, 1913: 12).

Методологические принципы теоретического построения исторических фактов, по Карееву, основаны на следующих установках. Признается неравноценность массива фактов, почерпнутых из тех или иных источников. В данном случае предлагается простая и понятная схема. Исторический факт обозначается как сумма отдельных элементов a, b, c, d, e, f, g, h , выраженная формулой $a+b+c+d+e+f+g+h$. Затем предлагается представить, что о некоторых слагаемых (например, a, d, f, g) нет никаких данных, а о некоторых других есть лишь отрывочные данные.

Тогда все знание о факте выразится такой формулой: $b+c/2+e/3+h$. Конечно, подобное знание не будет полным, будет иметь множество пробелов, которые историк восполнит работой своего воображения или путем логических рассуждений (Кареев, 1916: 88). Н. И. Кареев не ставил под сомнение саму возможность объективного научного знания о прошлом. Он был убежден, что «историк не позволит себе сочинить то, чего заведомо не было, а если и внесет в свое повествование что-либо такое, о чем прямо не говорится ни в одном источнике, то лишь в качестве логического вывода из тех или других научно обоснованных посылок» (Кареев, 1916: 93).

Можно утверждать, что построения Кареева создавали основу методологии, которая напоявляет заимствования (как это часто случилось в России) появившихся в XX веке в западной теоретической мысли различных исторических жанров и направлений под названиями «концептуальная история», «интеллектуальная история», «романсированная история», «персонифицированная история», «виртуальная история» и т. д.

Теоретико-методологические основания русской исторической школы, к ведущим представителям которой причисляются Николай Михайлович Карамзин, Сергей Михайлович Соловьев, Василий Осипович Ключевский, до сих пор остаются на периферии исследовательского интереса. Каждый из них представляет особую методологию, основанную на авторской системе историософских воззрений, нередко опережавших соответствующий уровень истории интеллектуальной мысли мыслителей Запада.

В. О. Ключевский установил взаимосвязь и зависимость исторического мышления от конкретных исторических условий и особенностей общественного развития. В качестве критерия для определения эволюции русской исторической школы возможно использование теории трех стадий интеллектуальной эволюции знания: теологическая (фиктивная), метафизическая (абстрактная, онтологическая); научная (положительная). Разработка указанной эволюции знания, соответ-

ствующего этапам в развитии общества, осуществлялась французскими мыслителями: Анн Робером Жаком Тюрго, Клодом Анри де Рувруа Сен-Симоном, Огюстом Контом.

Первая — теологическая (фиктивная) стадия может быть связана с древнерусскими летописями. Летописцы со времен Нестора считали, что мир развивается по божественному провидению и божественной воле. Совмещение первой и второй стадий эволюции интеллектуального знания олицетворяет «История Российская» Василия Никитича Татищева, а также сочинения Михаила Васильевича Ломоносова. Важно осознать, что время Татищева и Ломоносова — период господства схоластики и искаженного учения Аристотеля. Примечательно в этой связи замечание Ломоносова о Декарте: «Славный и первый из новых философов Картезий осмелился Аристотелю философию опровергнуть и учить по своему мнению и вымыслу», тем самым «открыл дорогу к вольному философствованию и к вящему наук приращению» (Ломоносов, 2007: 497). Становление позитивного (научного) знания относится к началу XIX века.

В. Н. Татищев работал над «Историей Российской» около 30 лет. Результат его труда получил изрядное количество негативных оценок в более позднее время в среде русских историков, в частности у Н. М. Карамзина. Карамзин отвергал оценку Татищева как историка, называя его «ревностным любителем истории», упоминая о многочисленных явлениях «вымысла», «украшательства», «переименовании» фактов, «грубых ошибках». Татищев подвергался обвинениям в том, что он оставил в наследство не историю, а только материалы к ней и прибавил к летописям собственные замечания. Сомнения в подлинности Иоакимовской летописи, одного из важных летописных источников Татищева, высказывали М. М. Щербатов и тот же Карамзин.

Оппонируя заявлению Карамзина, можно утверждать: большего, чем сделал Татищев в свое время, нельзя было ожидать. Данное положение основывается на оценке зачаточ-

ного состояния российской науки петровского времени. Поэтому сама возможность создания первого обобщающего труда по истории России концентрировалась в уме исследователя того времени. В условиях, когда не были даже собраны, не то что классифицированы источники (к тому же они не были документированы), невозможно было ожидать появления исторических выводов, тем более обобщений, без предварительного отбора и выяснения достоверности материалов. В этой связи представляется вполне логичным подход Татищева: создать сводный текст летописей, для удобства читателей изложить составленный свод современным русским языком. Собрав, по собственному признанию, более 1000 книг, Татищев успешно справился с задачей, которая перед ним стояла. В примечаниях к томам «Истории Российской» автор не мог выступать как историк (тем более не имея соответствующей академической подготовки), а лишь в качестве наблюдателя вместе с читателем. Татищев дал беспрепятственно говорить древнему летописцу, не перебивая его рассказа, а сам стал в стороне, в ряду слушателей, только порой делая в примечаниях заметки по поводу этого рассказа (Карамзин, 1964: 2: 131, 163–164, 189, 270; 3: 95, 130, 170, 179).

Татищев руководствовался положением, что то или иное общественное явление со всеми его качественными характеристиками содержит определенную логику развития: «...ничто само собою и без причины или внешнего действия приключиться не может» (Татищев, 2003: 5). Массив разрозненных эмпирических фактов автор объединил в цельную и логически осмысленную картину. Однако утверждения о стремлении Татищева к концептуальному и даже философскому осмыслению исторического материала представляются надуманными (Рыбаков, 2007: 161–167). Автор «Истории Российской» перед собой подобной задачи не ставил. Описание многих событий в методике следования за текстом летописей мифологично.

Как заметил В. О. Ключевский, при ограниченных условиях и возможностях науки

своего времени Татищевым была предпринята методологическая по содержанию попытка — создать основания теории вместо книжной легенды, а именно воссоздать начало русской истории в историческом контексте истории Восточной Европы (Ключевский, 1983а: 126–127). Для первой половины XVIII века подобная идея может оцениваться как передовая для своего времени в целом для Европы. Даже в Западной Европе лишь с середины XVIII века начался интеллектуальный прорыв, получивший наименование философской эпохи или века просвещения. Татищев разделил историю на всемирную и отечественную, поставил вопрос о разделении истории на периоды, предложил периодизацию российской истории.

По оценке Ключевского, Татищев «непосредственно примыкает к древнерусскому летописанию, составляя органическое его продолжение. Не ставя далеких целей и не чертя широких планов, Татищев решил, что надобно начинать новое дело с начала, т. е. разыскать источники, собрать, разобрать и свести материал, прежде всего летописи, скромно прибавив к его тексту посильные пояснения в примечаниях. Он и составил такой свод, доселе не сходящий со стола занимающегося русской историей. Но, стоя одной ногой в ряду древнерусских летописцев, он считал возможным ступить другой немного вперед, в область исторического исследования. Во введении и первой части труда он предпослал своему летописному своду научное определение истории, ее задач, средств и приемов и длинный ряд ученых предварительных разысканий, направленных к тому, чтобы прояснить тот начальный момент нашей истории, с которого идет нить летописного повествования, чтобы это повествование не начиналось с пустого темного места. Татищев дал русской истории ученые рамки, заключил ее древнейший источник в методологическую оправу и дал первые попытки комментария в примечаниях. Что мог он сделать больше? По крайней мере он сделал то, что было нужно... больше ничего нельзя было сделать» (Ключевский, 1991а: 482).

Подход Татищева к разработке истории имел телеологическую основу. Не любознательность исследователя, а практическая потребность вызвала его труд. Потребность в полной русской истории, составленной по первым научно обработанным источникам, родилась под влиянием преобразовательной деятельности Петра I из практических нужд, из умственных и нравственных стремлений, ею порожденных. Ближайшей целью реформ Петра было распространение прикладных знаний, которые приносят прямую материальную пользу государству, делая его сильным и богатым. Русская история оказалась в числе этих настоятельных нужд и текущих интересов времени. История Татищева, как типичного образца образованных русских людей петровской школы, являлась не плодом любознательности патриота или кабинетного ученого, а насущной потребностью делового человека (Ключевский, 1983а: 126, 128, 129).

Татищев попытался определить предметность исторической науки и классифицировать разные уровни восприятия и познания исторического процесса — метафизический, теологический, политический («гражданский»), «естественный» как уровень познания «свойств и состояния человека» — того, что «ему полезно и нужно и что вредно и непотребно» (Татищев, 1979: 52).

М. В. Ломоносов вслед за Татищевым продолжил развитие телеологического метода в разработке истории в духе патриотизма: сделать из истории похвальное слово русскому народу. Он придерживался изначальной установки на поиск в отечественных источниках, особенно летописных, достойного знания о содержании русской истории, которое позволило бы осуществить сравнительное сопоставление с историей других народов.

Ломоносов утверждал, что «народ российский ...на высочайший степень величества, могущества и славы достигнул». Автор обращал внимание на «равные дела и героев, греческим и римским подобных». Отмечалось, что «сие уравнение предлагало по при-

чине некоторого общего подобия в порядке деяний российских с римскими, где нахожу владение первых королей, соответствующее числом лет и государей самодержавству первых самовластных великих князей российских; гражданское в Риме правление подобно разделению нашему на разные княжения и на вольные города, некоторым образом гражданскую власть составляющему; потом единоначальство кесарей представляю согласным самодержавству государей московских» (Ломоносов, 2007а: 25).

Подобную наивную параллель русской и римской истории, проведенную Ломоносовым, нельзя оценивать с точки зрения собственно научного содержания («натянутое сходство», по определению С. М. Соловьева) — это лишь первое выражение научного приема, связанного с применением историко-сравнительного и синхронного методов. Сравнение однородных явлений неизбежно вело к общим выводам, к познанию законов истории, и достаточно припомнить рассуждение Ломоносова об образовании народов путем племенных смещений, его положение, что «народы от имен не начинаются, но имена народам даются», чтобы увидеть полезность этого приема даже в своем зачатке (Ключевский, 1991а: 483).

Что касается субъективизма трактовки отдельных фактов в риторической истории Ломоносова, то здесь объяснение заключается в издержках не только телеологического подхода, но и в особенностях весьма непростого характера самого автора. Описание истории Ломоносова приукрасилось яркими красками мифотворчества: Рюрик мог быть «сродник» римского императора Августа (оговариваясь при этом: «вероятности отрещись не могу, достоверности не вижу»), или легенды, что вожди вестготов Аларих и германского племени скиров Одоакр, сокрушившие Римскую империю, были представители славянского народа (Ломоносов, 2007а: 49, 57).

Ломоносов неоднократно заявлял, что его работа предпринята как «всемилютейшее повеление». Вдохновленный поруче-

нием, в 1757 г. он дал критический отзыв на рукопись «Истории России при Петре Великом» Вольтера, утверждая, что подобное описание «не может России быть, но больше бесчестным и поносительным», — Вольтеру был дан совет оставить работу или подождать завершения исторического сочинения Ломоносова (Ломоносов, 2007b: 387) (рукопись Ломоносова была представлена императрице в 1758 г.). Примечателен также следующий случай: ранее в замечаниях на диссертацию Г. Ф. Миллера «Происхождение имени и народа российского» одним из главных пунктов обвинения со стороны Ломоносова был следующий — «пропущен самый лучший случай к похвале славянского народа» (Ломоносов, 2007b: 371).

Величие России, сопоставимое с ведущими державами, объяснялось крепостью самодержавной государственной власти, наделенной сакральным свойством. Основываясь на данной идее, Ломоносов создал концепцию светской истории. Он отмечал: «несходство, что Римское государство гражданским владением возвысилось, самодержавством пришло в упадок. Напротив того, разномысленною вольностью Россия едва не дошла до крайнего разрушения». Лишь благодаря самодержавию, по Ломоносову, «каждому несчастию последовало благополучие большее прежнего, каждому упадку высшее восстановление; и к ободрению утомленного народа некоторым божественным промыслом воздвигнуты были бодрые государи». В качестве обобщающего заключения предложен следующий тезис: Россия «самодержавством как сначала усилилась, так и после несчастливых времен умножилась, укрепилась, прославилась. Благонадежное имеем уверение о благосостоянии нашего отечества, видя в единоначальном владении залог нашего блаженства, доказанного столь многими и столь великими примерами» (Ломоносов, 2007a: 25–26).

Н. М. Карамзин, по образной оценке А. С. Пушкина, — первый историк и последний летописец. Методологическое основание исторических исследований Карамзина —

позитивизм. Идеи позитивного (научного) знания были восприняты Карамзиным значительно ранее, чем позитивизм был оформлен в научную систему Огюстом Контом в 1830-е годы (к этому времени уже вышли все тома «Истории государства Российского», а их автора не было в живых). Сам основоположник позитивизма и основатель прикладной социологии французский ученый О. Конт свел в систему позитивные идеи, воспринятые им у своего учителя Сен-Симона, Тюрго, Д'Аламбера и др. (The Encyclopedia of Philosophy, 1967).

Источником для восприятия идей позитивизма для Карамзина послужили литература европейского Просвещения, труды немецких мыслителей. Особую роль сыграло путешествие Карамзина в мае 1789 — сентябре 1790 г. по Европе: он посетил Пруссию, Саксонию, Швейцарию, Францию, Англию. Во время путешествия он имел встречи и продолжительные беседы с великими мыслителями того времени Иммануилом Кантом (около трех часов), Иоганном Гердером, Шарлем Бонне, посетил места, связанные с жизнью Вольтера, Руссо, Декарта. Все это подогревало интерес Карамзина к изучению философской литературы (на страницах дневниковых записей русского путешественника упоминается о знакомстве с трудами Лейбница, Юма, Д'Аламбера и многих других европейских мыслителей). В июне 1789 г. в Кенигсберге он был у «все сокрушающего Канта», обсуждал с ним его «метафизические тонкости» природы и нравственности человека. Кант рекомендовал для чтения свои труды: «Критику практического разума» и «Метафизику нравов» (Карамзин, 1983: 45–46). Карамзин издавал журналы (в том числе «Вестник Европы»), выписывал ведущие зарубежные журналы.

В числе основ позитивизма Карамзина можно выделить следующее:

1. *Принцип историзма* (основан на трактовке Сен-Симона) — важнейший принцип гуманитарных наук. Суть его заключается в утверждении, что все исторические эпохи — определенные фазы одной и той же

эволюции, где каждый фазис вытекает из предшествовавшего и готовит следующий в зависимости от неизменных законов (преemptивность, «снятие»). Причинно-следственная связь событий является основой его исторической концепции. В то же время взгляд Карамзина на историю строился не на исторической закономерности, а на нравственно-психологической эстетике.

По образной оценке Ключевского, он не объяснил и не обобщил, а живописал: Карамзин смотрит на исторические явления, как смотрит зритель на то, что происходит на театральной сцене. Его герои сами себя родят, убивают один другого и потом куда-то уходят, иногда сильно хлопнув картонной дверью (Ключевский, 1991b: 488).

2. *Прогресс и порядок* — два основных и взаимосвязанных условия современной цивилизации. Прогресс (в русле трактовки Жана Лерона Д'Аламбера) понимался как непрерывный поступательный ход к одной определенной цели. Положение о России как великом и сильном государстве в Европе превратилось в закон основной исторической жизни России. Прогресс у Карамзина основан на идее самодержавия. Данный подход, воспринятый у Ломоносова, получил дальнейшее продолжение в построениях Карамзина. Самодержавие определялось в качестве движущей силы прогресса, коренным началом русского государственного порядка, его развитие — основным фактом русской истории.

Россия, по Карамзину, добивалась больших успехов, когда опиралась на крепкую центральную власть. Попятные явления (удельный период, раздробленность, татарское иго) подвергались исправлению самодержавной властью. Разрушение единовластия приводило к анархии, междоусобицам, поражениям. В качестве гаранта безопасности подданных самодержавие олицетворялось с порядком в обществе. На монарха возлагались высокие обязанности и высокая ответственность. С учетом данной установки Ярослав Мудрый подвергался критике за введение удельной системы, Юрий Долгору-

кий — за коварство и жестокость, русские князья — за интриги в Орде, осуждалась жестокость Ивана III. Образ Ивана IV являлся примером того, каким не должен быть монарх: его правление воспринималось как «эпоха мучительства» и тирании Ивана Грозного. Критическое отношение выражалось в отношении к Борису Годунову, Василию Шуйскому, деспотизму Петра I.

3. *Достоверное в противоположность сомнительному* устанавливалось путем восхождения от простого к сложному. Возражения против спекулятивных (умозрительных, метафизических) построений. Неслучайно Карамзин исключил из издаваемого им «Московского журнала» статьи теологического и мистического содержания. В построениях Карамзина проявляется феноменализм — сведение задачи науки к описанию и систематизации фактов, явлений.

Позитивное знание означало знание всего того, что есть в действительности. Нарративная методика Карамзина, основанная на реальности событий и фактов, описывала историю без всяких «метафизических домыслов». Общие выводы из исторического материала для Карамзина — «метафизика», которая не годилась для описания истории. Интеллектуальная история его не интересовала.

В «Истории государства Российского» Карамзин стремился обходиться без вымышленных сюжетов. Автор не привносил сюжет в свое сочинение, а извлекал его из истории, из реальных исторических событий. В труде Карамзина фигурировали только подлинные исторические личности. Он категорически отвергал «дописывание» летописей, поскольку считал, что прекрасные, но выдуманные сюжеты «безобразят историю», поэтому недопустимо мыслить и говорить за исторических персонажей.

Исследовательские принципы Карамзина (выбор материала, накопление и обобщение фактов посредством систематизации и классификации, расположение, описание фактов) демонстрировали следование автора правде истории, как бы горька она ни была.

Писать историю при тогдашнем состоянии науки являлось рискованным занятием: создание его «Истории» называлось как «подвиг честного человека» (Пушкин). Каждый том содержал подробные и обширные примечания к тексту с содержанием летописей и документов (множество выписок из летописей, большей частью впервые опубликованных автором).

Должность историографа при дворе императора позволяла Карамзину получить доступ к документам архивов и библиотек. При создании «Истории государства Российского» использовано огромное количество древних летописей и исторических документов из фондов Московского архива министерства иностранных дел, Синодального хранилища, библиотек монастырей, частных собраний рукописей.

4. Попытка *предвидения*: изучать реальную действительность, отсюда заключать о том, что должно произойти. В качестве примера можно привести «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» 1811 г. В консервативной идеологии Записки Карамзина выделяются историософские идеи: идея прогресса, борьбы просвещения с невежеством, о проникновении науки в высшее общество.

Карамзин пробудил в обществе интерес к прошлому. Но его труды — отражение соответствующего интеллектуального состояния тогдашнего общества. «Позитивная» методология Карамзина устарела уже во второй половине XIX в. Современное общество не устраивало преобладание «истории-рассказа» («нарратива»), творцы которой не особенно задумывались над выяснением причин тех или иных событий, в результате чего доминировали описательность и эмпиризм.

Восстановить психологию давно минувших деятелей — одна из важных задач исторического изучения. Но Карамзин этого и не пытался сделать, его психология — просто подсказывание историческому лицу своих собственных чувств и мыслей. Научная задача ограничивалась возможно точным вос-

произведением хода отдельных событий в хронологическом порядке и характера лиц и их действий, но связи причин и следствий, нити событий, последовательного движения народной жизни, того, что называется историческим процессом, в построениях Карамзина читатель не видел. Отсутствовала критика фактов (вместо нее — обширные выписки в примечаниях), преобладали моральные сентенции или похвальные слова, как у древнерусского летописца. Карамзин не изучал того, что находил в источниках, а искал в источниках, что ему хотелось рассказать живописного и поучительного. Он не собирал, а выбирал факты, данные. В этом проявилась ограниченность позитивизма Карамзина. Он изучал историю, чтобы написать ее: мысль сосредоточивалась на подборе фактов, а не на их связи (Ключевский, 1983f: 136, 137).

Понимание истории в духе позитивизма ограничивало область теоретических изысканий в области истории. Историки-позитивисты не считали исторический факт сложной проблемой. Свою задачу они видели в кропотливом сборе фактов в уверенности, что после того, как источники признаны подлинными, содержащиеся в них данные также должны быть достоверными. Позитивисты стремились построить методологию истории по образцу естественных наук, подняв значение поиска исторических фактов как прочных элементов знания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Блок, М. (1973) Апология истории (или ремесло историка). М.
- Карамзин, Н. М. (1964) Избранные сочинения. М.; Л. Ч. 2, 3.
- Карамзин, Н. М. (1983) Письма русского путешественника. М.
- Кареев, Н. (1916) Историка (Теория исторического знания). 2-е изд. Пг.
- Кареев, Н. (1913) Теория исторического знания. СПб.
- Карр, Эдвард. (1969) История и факты // Современные тенденции в буржуазной философии и методологии истории. М.

- Ключевский, В. О. (1983а) В. Н. Татищев // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М. С. 124–129.
- Ключевский, В. О. (1983б) Из рукописного архива. Введение в курс лекций по русской историографии 2-й половины XIX века // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М. С. 364–366.
- Ключевский, В. О. (1983с) Из рукописного архива. Древняя и новая Россия // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М. С. 355–363.
- Ключевский, В. О. (1983д) Из рукописного архива. Материалы к курсу «Западное влияние в России после Петра» // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М. С. 11–112, 349–355.
- Ключевский, В. О. (1991а) Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М.
- Ключевский, В. О. (1983е) Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М.
- Ключевский, В. О. (1991б) Н. М. Карамзин // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. С. 488–490.
- Ключевский, В. О. (1983ф) Н. М. Карамзин // Ключевский В. О. Неопубликованные произведения. М. С. 133–137.
- Ключевский, В. О. (1991с) Русская историография. 1861–1893 гг. // Ключевский В. О. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. М. С. 551–558.
- Ключевский, В. О. (2006) Русская история. М.
- Кувакин, В. А. (2005) Ленин: эффект неразорвавшейся бомбы // Вестник РФО. №1.
- Ломоносов, М. В. (2007а) Древняя российская история от начала российского народа до кончины великого князя Ярослава первого, или до 1054 года // Ломоносов М. В. Записки по русской истории. М. С. 25–128.
- Ломоносов, М. В. (2007б) Записки по русской истории. М.
- Ойзерман, Т. И. (2006) К вопросу о происхождении ленинизма // Ойзерман Т. И. Проблемы: социально-политические и философские очерки. М. С. 31–54.
- Ракилов, А. И. (1982) Историческое познание: Системно-гносеологический подход. М.
- Рыбаков, С. В. (2007) В. Н. Татищев в зеркале русской историографии // Вопросы истории. №4.
- Семенов, Ю. И. (2003) Философия истории (Общая теория, основные проблемы, идеи и концепции от древности до наших дней). М.
- Соловьев, С. М. (1998) Взгляд на историю установления государственного порядка в России до Петра Великого // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 15. Работы разных лет. М. С. 316–356.
- Соловьев, С. М. (1993) История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения : в 18 кн. Кн. 1. Т. 1. М.
- Соловьев, С. М. (1997а) История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. Т. 13. М.
- Соловьев, С. М. (1997б) История России с древнейших времен // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. VII. Т. 14. М.
- Соловьев, С. М. (1999а) Начала русской земли // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 17. Работы разных лет. М. С. 542–573.
- Соловьев, С. М. (1999б) Публичные чтения о Петре Великом // Соловьев С. М. Сочинения. Кн. 18. Работы разных лет. М. С. 6–162.
- Струве, П. Б. (1952) Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего времени, в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности. Париж.
- Татищев В. Н. (1979) Избранные произведения. Л.
- Татищев, В. Н. (2003) История Российская. М. Т. 1.
- Февр, Л. (1991) Бои за историю. М.
- Черепнин, Л. В. (1984) Отечественные историки XVIII–XX вв. М.
- The Encyclopedia of Philosophy (1967). New York. Vol. 6. P. 414–419.

Продолжение следует